Язык народных сногаданий в «Сборнике материалов для описания местности и племен Кавказа» (1881–1915): собрание М. А. Харламова

Т. С. Садова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Садова, Т. С. (2021). Язык народных сногаданий в «Сборнике материалов для описания местности и племен Кавказа» (1881–1915): собрание М. А. Харламова. *Медиалингвистика*, 8 (2), 161–168. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.205>

Рассматриваются языковые особенности фольклорных текстов сногаданий, опубликованных М. А. Харламовым в популярном журнале «Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа», издававшемся в Тифлисе с 1881 по 1915 г. Описываются региональные и общерусские черты уникального фольклорного собрания, к тому же отразившего индивидуальные особенности собирательского почерка самого Михаила Харламова, одного из постоянных авторов журнала. Этнографическая и краеведческая направленность большинства публикаций, попечительство со стороны Кавказского учебного округа способствовали тому, что журнал воспринимался как серьезное просветительское издание, поэтому язык основных его материалов можно охарактеризовать как ясный и простой, а стиль — в современной терминологии — как подлинно научно-популярный. При этом следует отметить, что при фиксации некоторых фольклорных текстов наблюдается «насильственное облагораживание» народной речи, когда, например, в записи устного сногадания волею собирателя или редактора появляются явно литературные лексические вкрапления, что создает эффект стилистического шва в тексте такой записи. Несмотря на это, обнаруживаются постоянство и устойчивость основных символических обусловленностей между знаком сна и его прогнозом, имеющих, как правило, глубокие мифологические основания. Подчеркивается также общерусское фольклорное единство вошедших в собрание материалов, проявившееся и в организации текста сногадания, и в его лексическом составе, и в грамматическом оформлении.

Ключевые слова: фольклорный текст, журнал XIX в., стиль этнографических публикаций.

Михаил Александрович Харламов мало известен официальной науке, но на Кавказе и Кубани его по праву именуют «кавказским Забелиным» [Бузаров 2014: 33], столь обширна его деятельность по изучению и собиранию языковых, этнографических и фольклорных свидетельств русского населения Кавказа XIX — начала XX в. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, он был одним из постоянных авторов известного в то время журнала «Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа», в котором регулярно публиковал статьи на разные темы, но все они — об исторических судьбах народов,

населявших российский Кавказ. Среди прочего ему принадлежат публикации этнографических и фольклорных материалов: песен, сказаний, легенд, в том числе более 300 текстов сногаданий, представляющих большой исследовательский интерес [Харламов 1904]. Это издание высоко ценил В. Ф. Миллер, однажды составивший весьма хвалебную рецензию на первые четыре выпуска сборника, специально отметив важную (для оценки «качества собирательства») черту всего журнала: в нем публикуется «ценный и добросовестно собранный материал» [Миллер 1885: 83].

Собрание М. А. Харламова интересно и ценно по ряду причин. Во-первых, перед нами записи, сделанные филологом, хорошо понимавшим не только этнографическую, но и сугубо лингвистическую ценность устноречевых текстов, отражающих духовную жизнь русского народа, живущего на Кавказе и российско-кавказском пограничье. Во-вторых, это (конечно, неполный) перечень снотолкований, имеющих безусловную генетическую связь с общерусскими верованиями и снопереживаниями, но дополненных местными приметами сна, с этнокультурной точки зрения трудноопределимыми. В-третьих, сама публикация столь специфического этнографического материала в журнале, имеющем явные просветительские задачи и находящемся под попечительством Кавказского учебного округа, — явление для рубежа XIX–XX вв. весьма примечательное. Собрание М. А. Харламова демонстрирует тот «этнографический бум», постигший многие столичные и провинциальные журналы и периодические издания этого времени («Русский архив», «Журнал Министерства народного просвещения», «Отечественные записки» и др.), в которых активно публиковались обширные этнокультурные «отчеты» так называемых корреспондентов — ревнителей народной культуры, истории и словесности. Читателю оказалось интересно бытописание простого народа по источникам, ранее почти не привлекавшим внимания широкой публики. Если былины, сказки, песни и некоторые другие факты народного поэтического творчества были хорошо известны, то тексты устной неподготовленной речи (предания, былички, сногадания, народные мемораты и т. п.) в содержание авторитетных фольклорных сборников, как правило, не входили.

Время поиска особого языка, представляющего на страницах уважаемых изданий устноречевые тексты этнографического содержания, — отдельная веха в истории формирования стиля, в современной терминологии именуемого научно-популярным. На материале собрания сногаданий М. А. Харламова, профессионального филолога и любителя-собираателя народной словесности, в статье предпринимается попытка проследить индивидуальный опыт «обретения» языка народоведческих публикаций.

М. А. Харламов использует традиционный набор синтаксических моделей, в которые «укладывает» пеструю и многовариантную сногадательную традицию своего региона. Так, каждая функциональная модель записи сноприметы имеет не более трех-четырех разновидностей. Для постоянно варьирующегося речевого материала этот факт может восприниматься как признак стабильности формы записи, которой придерживается собиратель.

В строгом смысле представленные записи снопримет — это фиксация устных текстов, часто представляющих собой итоговые «выжимки» из более пространственных сноповествований. Сомнительно, чтобы эти тексты бытовали автономно в той форме, которую предлагает М. А. Харламов: *Земледельцу снег во сне предвещает*

урожай [Харламов 1904: 25]; *Видеть во сне металл — быть крепким и здоровым* [Харламов 1904: 27].

Введенные в текст снотолкования литературные глаголы видения, пророчества, другие явно книжные слова вряд ли являются фактом той разговорной традиции, в рамках которой живет и развивается этот самобытный малый жанр: *Если увидишь себя во сне в новых башмаках, то будет оказана честь* [Харламов 1904: 25]; *Пшеницу видеть во сне — хорошее предзнаменование* [Харламов 1904: 25]; *Очки надевать во сне предвещает болезнь глаз* [Харламов 1904: 26]; *Если увидишь, что мертвый ожил, то замирающее предприятие оживет* [Харламов 1904: 27] и др.

Для собирателя, как видим, важна прежде всего фиксация устойчивых соответствий, символических обусловленностей «знак → пророчество», и эти исходно народные соответствия были им сохранены. В этом отношении собрание М. А. Харламова отвечает той квалификации подлинно фольклорного сонника, которую дал в свое время А. Н. Афанасьев, строго отграничивающий сонник народный от стилизованного под народный: «Если бы издатели “сонников” потрудились собрать действительно живущие в народе объяснения сновидений, это был бы драгоценный материал для науки, по важному значению для нее тех метафорических сближений, на которых, собственно, и держится истолкование снов» [Афанасьев 1865: 39]. Сохранению этих «сближений» М. А. Харламов уделял первостепенное значение.

Синтаксические структуры, в которые заключены зафиксированные соотношения знака и прогноза, представлены в записях М. А. Харламова четырьмя основными типами: а) сложноподчиненное союзное предложение с условным придаточным (самая частая и ожидаемая форма выражения логики предсказания): *Если приснится девушка в красной юбке — будет клевета* [Харламов 1904: 24]; *Умрет родственник, если во сне видишь молодой месяц на западе* [Харламов 1904: 24]; *Если видишь во сне маленьких детей, то надо ожидать хлопот* [Харламов 1904: 24]; б) бессоюзное сложное предложение с простыми односоставными разного грамматического статуса: *Воробья ловить во сне — новое знакомство* [Харламов 1904: 26]; *Обожжешь палец во сне — будешь обручаться* [Харламов 1904: 26]; *Убить во сне змею — избавиться от врагов* [Харламов 1904: 28]; в) сложноподчиненное союзное предложение с изъяснительным/определятельным придаточным: *Мертвого хоронить во сне означает, что какое-либо предприятие погибнет, не удастся* [Харламов 1904: 27]; *Кто во сне плачет, тот наяву будет смеяться* [Харламов 1904: 27]; г) простое двусоставное предложение: *Медные деньги, яйца, абрикосы предвещают слезы* [Харламов 1904: 24]; *Земледельцу снег во сне предвещает урожай* [Харламов 1904: 25]; *Шуба, виденная во сне, предвещает шум какой-то* [Харламов 1904: 25].

Как видим, синтаксис народных сногаданий в собрании М. А. Харламова весьма далек от устноречевого: наличие союзных комплексов, осложнение предложений причастными оборотами, использование полных придаточных конструкций — все говорит о том, что исходные записи, первоначально произведенные «с голоса», при подготовке к публикации были подвергнуты серьезной лингвистической обработке. Так, в его собрании практически нет характерных для устной речи «двуцентровых» текстов [Тарланов 1999: 11], т. е. оформленных в виде именных соответствий типа *Вода — речи* [Якушкина 1999: 30], но почти повсеместно присутствуют тексты с союзной связью, отчетливо выражающей логику обусловленности знака сна пророчеством — временную, условную, причинную и др.

Следует предположить, что сознательное «олитературирование» народных изречений предпринимается М. А. Харламовым отнюдь не случайно. Во-первых, как филолог, он прекрасно понимает, что устная речь принципиально не равна книжной, что содержательно она во многом зависит от ситуации живого общения, что отсутствие в ней законченных «правильных» предложений с лихвой компенсируется жестиком, мимикой, другими средствами несловесного общения. Поэтому он использует такие грамматические структуры, которые, на его взгляд, наиболее точно передают основное содержание народного изречения, изложенного письменно. Во-вторых, М. А. Харламов — учитель словесности, один из авторов и «корреспондентов» популярного местного журнала, имеющего прежде всего просветительские цели. Публиковать необработанные и неотредактированные тексты он, видимо, не мог и не желал по профессиональным и издательским соображениям. В-третьих, основной своей целью он, возможно, считал сохранение народных представлений вне формы их бытования, а в «чистом», «идеальном» виде. В этом отношении он был близок общей журнально-этнографической традиции XIX в., которая была полна «романтической любви к народоведению» [Пыпин 1891: 190] и заключалась в том, чтобы показать просвещенному читателю «все, что народ сохранил от прошлого» [Могилянский 1916: 2]. В нашем случае для М. А. Харламова гораздо важнее само «метафорическое сближение» между знаками сна и будущими событиями в жизни сновидца, чем та языковая форма, в которую оно облечено.

Выбранные М. А. Харламовым структурные решения при фиксации устных сновидений в целом не искажают коммуникативной функции и прагматического назначения речевого произведения: остается неизменной двухчастность малого текста, сохраняется его прогностическое назначение, «символические сближения» между знаком сна и его жизненным проявлением во многом повторяются, демонстрируя первичные, весьма архаичные логические операции, основанные преимущественно на законах подобия.

Одним из общих семантических принципов поиска аналогии между знаком сна и событием яви в народном соннике следует признать принцип подобия по количественному признаку: что-то количественно многое, а также визуально мелкое (и часто) округлое, т. е. мелкообъемное, предвещает слезы.

Визуальный образ «мелкое и округлое», соединяясь с количественным параметром «много», создает в культуре сновидения логическую (вернее, прагматическую) основу для формирования устойчивого соотношения «мелкое округлое → слезы». Это соотношение может быть «заполнено» различными реалиями, имеющими подобные «характеристики»: *зерно, бусы, жемчуг, горох, картошка, мелкие камни и др.*

Весьма распространена в общерусском соннике и соотносительная пара «монета (чаще — медная) → слезы». Монета необъемна, но включена в рассматриваемый соотносительный ряд, возможно, по аналогии с каплей металла, которую затем плющили для изготовления монеты: *Картошка — к слезам* [Якушкина 1999: 30]; *Монеты — к слезам* [Якушкина 1999: 30]; *Деньги медные и серебряные снятся к слезам* [Балов 1907: 208]; *Медные деньги — к слезам* [Чернышев 1901: 21]; *Хлеб в зернах — слезы* [Колосов 1879: 171] и др.

М. А. Харламов добавляет в ряд общерусских сновидческих соответствий («мелкое округлое → слезы») такие аналогии, которые отражают особенности Кав-

казского региона: *Медные деньги, яйца, абрикосы во сне — слезы* [Харламов 1904: 24]; *Если грызешь орехи во сне — к слезам* [Харламов 1904: 26]; *Если будешь кушать арбузы, то будут слезы* [Харламов 1904: 24].

Заметим, что это «общефольклорное» соответствие весьма устойчиво: наряду со свидетельством «Слова о полку Игореве» (о жемчуге во сне князя Святослава и его «золотом слове, со слезами смешанном» [Соколова 1995]), выше приводились сходные примеры из сногаданий XIX–XX вв., зафиксированных в различных географических зонах. Поразительная временная и географическая устойчивость таких символических соответствий заставляет снова и снова говорить о весьма аморфном с точки зрения научного определения феномене — так называемой общественной памяти, часто выступающей синонимом «традиции»: «Любой коллектив обладает памятью, а значит, описывает эту память» [Рабинович 1978: 145] в устойчивых содержательных структурах. В нашем случае — это традиционный набор символических соответствий, имеющих природу пралогических аналогий.

Региональные отличия, как видим, заметны лишь в «качестве» предмета аналогии. Так, в районах Русского Севера устойчива связь *ягоды* → *слезы* по той же логической операции «сходства» по внешнему виду: *Ягоды — к слезам* [Архив Тверская 1991]; *Ягоды красные будут сниться — к слезам* [Архив Архангельская 1984].

Собрание М. А. Харламова демонстрирует весьма характерную для многих аналогичных текстов связь «левой» и «правой» частей сноприметы, основанную на принципе семантического притяжения сходных по звучанию слов. Этот путь сближения сносзнака с прогнозом рождает множество снотолкований: *Выметать сор — к ссоре* [Харламов 1904: 24]; *Снег снится, будет кто-то смеяться* [Харламов 1904: 24]; *Соль во сне есть — будет ссора* [Харламов 1904: 26]; *Шуба, виденная во сне, предвещает шум какой-то* [Харламов 1904: 24] и др. Подобные звуковые соответствия, возникающие как факты народной этимологии и имеющие в народных представлениях магическое значение, Н. И. Толстой называл этимологической магией [Толстой 1995], оставившей свой «текстообразующий след» во многих жанрах фольклора [Садова, Головченко 2017].

По-видимому, издательский и собирательский стиль имело каждое собрание устноречевых текстов, публикуемых в многочисленных столичных и провинциальных журналах XIX–XX вв., в которых присутствовала соответствующая рубрика: «Живая старина» (1890–1916), «Этнографическое обозрение» (1889–1916), «Русская старина» (1870–1918), «Смоленский этнографический сборник» (1891–1903) и др. Не имея записывающих устройств, часто желая «облагородить» народную речь, собиратели и редакторы наверняка «включались» в устройство записей устноречевых текстов, прежде всего прозаических. Об этом ясно свидетельствуют литературно-книжные лексические вкрапления, которые обнаруживаются в записях сногаданий, и не только в собрании М. А. Харламова: *Драка без личного участия в ней — неожиданно очутиться гостем родственника или чужого, а также принять угощение, например в корчме* [Никифоровский 1898: 135]; *Девочку маленькую видеть во сне предвещает «убыль», т. е. из семьи выбудет один член* [Балов 1890: 208]; *Арестованному быть во сне означает неблагополучие* [Колосов 1879: 150] и под.

Очевидно, что авторы этнографических публикаций по-разному решали вопрос представления широкой читательской аудитории народоведческого материала

ла. Несмотря на порой сознательное «олитературирование», все же это были записи подлинно фольклорных произведений, поскольку сохранялось главное — глубинная фактура народного текста: его символический ряд, традиционная формульность, бережное отношение к диалектному слову, имеющему, по мысли собирателя, языковую ценность. Тому подтверждением в полной мере может служить рассмотренное издание собрания сногаданий М. А. Харламова.

Литература

- Афанасьев, А. Н. (1865). *Поэтические воззрения славян на природу*: в 3 т. Т. 1. Москва: изд. М. Солдатенков.
- Балов, А. В. (1907). Черты русского народного календаря. *Русский архив*, 1, 111–139.
- Бузаров, А. К. (2014). У истоков Кубанской урбанистики: краеведческая и педагогическая деятельность М. А. Харламова. В О. В. Матвеева, Г. В. Кокунько (Ред.), *Кубанский сборник. Вып. 5* (26) (с. 32–43). Краснодар: Книга.
- Колосов, М. (1879). Архивные материалы по народному русскому языку и народной словесности. *Русский филологический вестник*, 1 (1), 92–102.
- Миллер, В. Ф. (1885). Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Издание Управления Кавказского учебного округа. Вып. IV. Тифлис, 1884: [рецензия]. *Журнал Министерства народного просвещения*, май, 83–96.
- Могиланский, Н. М. (1916). Предмет и задачи этнографии. *Живая старина*, 1, 1–22.
- Никифоровский, Н. Я. (1898). Материалы для народного снотолкователя. *Этнографическое обозрение*, 1, 133–139.
- Пыпин, А. Н. (1891). *История русской этнографии*: в 4 т. Т. 3. Санкт-Петербург: изд. М. Стасюлевич.
- Рабинович, Е. Г. (1978). Тип календаря и типология культуры. В *Историко-астрономические исследования. Вып. XIV* (с. 141–154). Москва: Наука.
- Садова, Т. С., Головченко, Е. В. (2017). Этимологическая магия в топонимических преданиях Русского Севера: веркола. В *Ономастика Поволжья*: в 2 т. Т. 1 (с. 172–178). Ульяновск: Ульяновский гос. пед. ун-т.
- Соколова, Л. В. (1995). Сон Святослава. В *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*: в 5 т. Т. 5 (с. 30–39). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Тарланов, З. К. (1999). *Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии*. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т.
- Толстой, Н. И. (1995). Народная этимология и этимологическая магия. В *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике* (с. 313–333). Москва: Индрик.
- Харламов, М. А. (1904). Суеверия, поверья, приметы и заговоры, собранные в гор. Майкопе. *Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа, XXXIV* (III), 1–22.
- Чернышев, В. И. (1901). *Материалы для изучения говоров и быта Мецовского уезда*. Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии наук. (Сборник отд. рус. яз. и словесности Императорской Академии наук. Т. LXX, № 7).
- Якушкина, Е. И. (1999). Народный сонник из Каргополья. *Живая старина*, 2, 29–30.

Источники

Архив «Духовная культура русского Севера в народной словесности» (кафедра русского языка СПбГУ): Тетрадь «Архангельская область» (1984); Тетрадь «Тверская область» (1991).

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2020 г.;
рекомендована в печать 22 января 2021 г.

Контактная информация:

Садова Татьяна Семеновна — д-р филол. наук, проф.; tatsad_90@mail.ru

The language of folk dream-divination in the “Collection of materials for describing the terrain and tribes of the Caucasus” (1881–1915): The collection of M. A. Kharlamov

T. S. Sadova

St. Petersburg State University

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sadova, T. S. (2021). The language of folk dream-divination in the “Collection of materials for describing the terrain and tribes of the Caucasus” (1881–1915): The collection of M. A. Kharlamov. *Media Linguistics*, 8 (2), 161–168. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.205> (In Russian)

The article discusses the linguistic features of folklore texts of dream-divination published by Mikhail Kharlamov in the popular journal *Collection of materials for the description of the area and tribes of the Caucasus*, published in Tiflis from 1881 to 1915. The regional and all-Russian features of the unique folklore collection, which also reflected the individual characteristics of the collecting style of Kharlamov himself who was one of the regular authors of this journal, are described. The ethnographic and local lore orientation of most of the publications and the patronage from the Caucasian educational district contributed to the fact that the journal was perceived as a serious educational publication, therefore the language of its main materials can be characterized as clear and simple, and the style as truly popular science in modern terminology. It should be noted that when documenting some folklore texts, there is a “forcible ennobling” of folk speech when, for example, in the recording of dream-divination for the collector or editor, there are clearly literary lexical inclusions, which creates the effect of a stylistic seam in the text of such a recording. Despite this, the constancy and stability of the basic symbolic conditioning between the sign of a dream and its prognosis is revealed, which, as a rule, have deep mythological foundations. The general Russian folklore unity of the materials included in this collection is also emphasized, which manifested itself in the organization of the dream-divination text, its lexical composition, and grammatical form.

Keywords: folklore text, journal of the 19th century, style of ethnographic publications.

References

- Afanasev, A. N. (1865). *Poetic views of the Slavs on nature*: in 3 vol. Vol. 1. Moscow: M. Soldatenkov Publ. (In Russian)
- Balov, A. V. (1907). Features of the Russian folk calendar. *Russkii arkhiv*, 1, 111–137. (In Russian)
- Buzarov, A. K. (2014). At the origins of the Kuban urbanism: Regional studies and pedagogical activities of M. A. Kharlamov. Matveeva, O. V., Kokun'ko, G. V. (Eds), *Kubanskii sbornik*. Vol. V (26) (pp. 32–42). Krasnodar: Kniga Publ. (In Russian)
- Chernyshev, V. I. (1901). *Materials for the study of dialects and everyday life of the Meshchovsky district*. St. Petersburg: tip. Imperatorskoy Akademii nauk Publ. (Sbornik Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. LXX, no. 7). (In Russian)
- Iakushkina, E. I. (1999). Folk dream book from Kargopol. *Zhivaia starina*, 2, 29–30. (In Russian)
- Kharlamov, M. A. (1904). Superstitions, beliefs, omens and conspiracies collected in Maykop. *Sbornik materialov dlia opisanii mestnosti i plemen Kavkaza*, XXXIV (III), 1–22. (In Russian)
- Kolosov, M. (1879). Archival materials on the folk Russian language and folk literature. *Russkii filologicheskii vestnik*, I (1), 92–102. (In Russian)
- Miller, V. F. (1885). Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus. Published by the Office of the Caucasian Academic District. Vol. IV. Tiflis, 1884: [review]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, May, 83–96. (In Russian)
- Mogilyansky, N. M. (1916). The subject and objectives of ethnography. *Zhivaia starina*, 1, 1–22. (In Russian)
- Nikiforovskii, N. Ya. (1898). Materials for the people's dream interpreter. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1, 133–139. (In Russian)
- Pypin, A. N. (1891). *History of Russian ethnography*: in 4 vol. Vol. 3. St. Petersburg: M. Stasyulevich Publ. (In Russian)

- Rabinovich, E. G. (1978). *Calendar type and typology of culture. Historical and astronomical studies*. Vol. XIV (pp. 141–154). Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Sadova, T. S., Golovchenko, E. V. (2017). Etymological magic in toponymic legends of the Russian North: *verkola*. *Onomastika Povolzh'ia*: in 2 vol. Vol. 1 (pp. 172–178). Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical Univ. Publ. (In Russian)
- Sokolova, L. V. (1995). *Dream of Svyatoslav. Entsiklopediia "Slova o polku Igoreve"*: in 5 vol. Vol. 5 (pp. 30–39). St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ. (In Russian)
- Tarlanov, Z. K. (1999). *Formation of the typology of the Russian proposal in its relation to ethnophilosophy*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ. (In Russian)
- Tolstoi, N. I. (1995). Folk etymology and etymological magic. *Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics* (pp. 313–333). Moscow: Indrik Publ. (In Russian)

Received: November 15, 2020

Accepted: January 22, 2021

Author's information:

Tatiana S. Sadova — Dr. Sci. in Philology, Professor; tatsad_90@mail.ru